

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ

ХАБАРШЫСЫ

ОН ЕКИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛҰҰ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

№ 3 (45)

1971

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ КЕРДЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КАРАКАЛПАКОВ

В восточной части Приаральской дельты Амударьи в последней четверти VII—XI вв. была распространена своеобразная археологическая культура, которую представляется возможным связывать с известной в средневековой арабской историко-географической литературе „областью“ или „владением“ Кердер¹ и называть по имени этой области *кердерской культурой*.

Впервые на отличие материальной культуры восточной части Приаральской дельты от синхронной археологической афригидской культуры Южного Хорезма указал С. П. Толстов,² вслед за П. Лерхом³ и Н. Веселовским⁴ локализовавшим владение Кердер в восточной части нижней (Приаральской—В. Я.) дельты Амударьи.⁵

Первая характеристика своеобразной материальной культуры этого района Южного Приаралья была дана С. П. Толстовым, Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопортом после небольших по объему разведочных раскопок 1956 г. на городище Куюк-кала. Эти же исследователи впервые высказали мысль о принадлежности открытой культуры населению владения Кердер.⁶

Широкие исследования культуры Кердера были начаты с 1958 г. Каракалпакским комплексным научно-исследовательским институтом АН УзССР и продолжены затем его преемником—Каракалпакским филиалом АН УзССР. Первый этап работ, предполагавший маршрутное изучение всей территории Кердера и стационарные раскопки одного из поселений этого владения, был завершен в 1953 году.⁷

Все эти работы выявили целый ряд новых археологических памятников, расположенных в восточной части Приаральской дельты Амударьи, позволив установить объединяющее эти памятники единство материальной культуры. Было сформулировано понятие *кердерская*

¹ В. Н. Ягодин. К вопросу о локализации Кердера. „Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР“ (далее ВКФ), 1963, № 3.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948, стр. 205.

³ P. Lersh. Khiva oder Khâresm. СПб, 1873, стр. 30.

⁴ Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб, 1877, стр. 13.

⁵ С. П. Толстов. Города гузов. „Советская этнография“ (далее СЭ), 1947, № 3, стр. 76—77. Следует заметить, что С. П. Толстов считал возможным распространять наименование Кердер на более широкую область, включавшую дельту Амударьи и Сырдарьи (Указ. соч., стр. 77). Неверно утверждение А. В. Гудковой о том, что Кердер был впервые локализован составителями сборника „Материалы по истории туркмен и Туркмении“ (далее МИТТ). М.-Л., 1939 (см. А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 118).

⁶ С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. Материалы Хорезмской экспедиции (далее МХЭ), вып. 1, М., 1959, стр. 34. Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 241—244. Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1954 г. МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 128 и сл.

⁷ Основные публикации, освещающие работы на этом этапе: А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин. Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР в 1958 г. „Известия Академии наук УзССР“, серия общ. наук, 1960, № 1; Они же. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г. „Общественные науки в Узбекистане“, 1961, № 5; Они же. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1962; А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг. ВКФ, 1962, № 3 и № 4; Она же. Некрополь Ток-кала. СЭ, 1963, № 5; Она же. Ток-кала. Ташкент, изд-во „Наука“ Узбекской ССР, 1964; В. Н. Ягодин. Итоги и перспективы археологического изучения Приаральской дельты. ВКФ, 1965, № 1.

культура, установлена ее общая дата. В развитии культуры были выделены два этапа—раннекердерский и позднекердерский. Был определен ареал культуры, намечены пути для выяснения ее генезиса и определения этнической принадлежности. На новом материале был вновь рассмотрен вопрос о локализации владения Кердер и установлено, что описываемая культура является специфической культурой населения этого владения.

В 1964—1965 гг. была разработана программа дальнейшего изучения культуры, согласно которой предполагалось углубленное стационарное изучение отдельных памятников, а также исследование антропологических материалов с территории Кердера. Во исполнение этой программы были поставлены новые раскопки некрополя Ток-калы,¹ приняты многолетние раскопки широкими площадями поселения Курганча—одного из наиболее характерных для кердерской культуры памятников.²

Эти исследования позволили подойти к одному из важнейших вопросов изучения кердерской культуры—ее этническому определению. Вопрос этот при нынешнем уровне изученности культуры решается лишь предварительно.

Как установлено исследованиями в генетическом плане, кердерская культура связана с джетыасарской культурой низовьев Сырдарьи. Следовательно, определение ее этнической принадлежности в значительной мере зависит от этнического определения джетыасарской культуры в ее позднем варианте. Предположение об этническом определении этой культуры на позднем этапе ее развития в очень осторожной форме высказала Е. Е. Неразик, указав „что китайские хроники уже в VII веке упоминают огузов под именем „гэса“ на побережье Арала“.³ Действительно, в Таншу упоминается, что к северо-западу от Хорезма (Хо-сюнь, Холисими) расположены земли гузов (гэса).⁴

Ближайшим к серво-западу от Хорезма нехорезмийским населением в последней четверти VII—первой половине VIII вв. являлось население владения Кердер. Не исключено поэтому, что в китайском источнике, наряду с гузскими племенами, расселявшимися еще дальше к северо-западу, в низовьях Сырдарьи, имеется в виду и население Кердера.

Предположение Е. Е. Неразик об огузской этнической принадлежности носителей джетыасарской культуры чрезвычайно важно для нашей темы. В настоящий момент, когда нижняя грань кердерской культуры определена относительно четко последней четвертью VII в. и установлено отсутствие предполагавшихся ранее на кердерских памятниках слоев V—VI вв.,⁵ нет никаких оснований связывать кердерскую

¹ В. Н. Ягодин, Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Т. К. Ходжайов. Раскопки некрополя древнего Дарсана в 1968 году. ВКФ, 1969, № 3.

² В. Н. Ягодин. Раскопки городища Курганча. Сб. „Археологические открытия 1969 года“. М., 1970. Археологическое изучение городища Курганча. Сб. „Средневековые города Средней Азии и Казахстана“. Л., 1970.

³ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., изд-во „Наука“, 1966, стр. 129.

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М.-Л., 1950, стр. 315.

⁵ На возможность нахождения таких слоев указывали С. П. Толстов (Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., стр. 34), Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт (Куюк-кала в 1956 г., стр. 142). Эту же точку зрения разделял и автор настоящей статьи (В. Н. Ягодин. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 8—9).

культуру на раннем этапе ее развития с продвижением в дельту Амударьи эфталитских племен.¹

Если верно наше определение нижней хронологической грани кердерской культуры последней четвертью VII в., тогда следует признать справедливым предположение Л. М. Левиной о том, что перемещение части населения урочища Джетыасар в дельту Амударьи и формирование кердерской культуры можно „связывать с перемещением огузского племенного союза или отдельных его частей“.²

Признав правильность подобного отождествления, мы можем связать с племенами-носителями поздней джетыасарской культуры свидетельство уйгурских послов, приведенное в тибетском переводе их отчета, о войнах печенегов (be—sa—pag) с хорами.³ С. Г. Кляшторный также считает возможным предполагать, что хорами в данном случае названы сырдарьинские огузы.⁴ Возможно, что именно эти войны послужили одной из причин, вызвавших перемещение сырдарьинских огузов на пустынные ранее земли восточной части Приаральской дельты Амударьи и формирование здесь кердерской культуры.

Совершенно определенно мы можем связывать кердерскую культуру с огузским этносом на позднем этапе ее развития (IX—XI вв.). Действительно, для этого времени мы имеем ряд прямых свидетельств о расселении огузов в месте распространения кердерской культуры. Необходимо заметить, что кердерская культура на позднем этапе своего развития является прямым продолжением культуры раннекердерского этапа. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с историческим развитием одного и того же этноса. В определенной мере это подтверждают и антропологические данные, свидетельствуя о развитии на позднем этапе тех же антропологических типов, которые были представлены на раннекердерском этапе существования культуры.

О расселении гузов на северо-западных границах Хорезма пишет автор первой половины X в. ал Истахри. Он сообщает, что с севера и запада он (Хорезм—В. Я.) граничит с пределами гузов.⁵ Северо-западные пределы Хорезма в это время проходили вдоль хребта Султануиздаг, четко обозначенные цепью пограничных сигнальных башен.⁶ Аналогичным образом локализует гузов в интересующем нас районе анонимный автор „Худуд ал-Алем“, сообщая (80-е гг. X в.), что вокруг него (Аральского моря—В. Я.) все места принадлежат гузам.⁷ Это подтверждается и новейшими исследованиями. Так, много интересных данных, касающихся локализации огузов в низовьях Амударьи, приводит С. Г. Агаджанов.⁸

Таким образом, предварительный и далеко неполный обзор сведений, источников и гипотез, высказанных в современной научной литературе, позволяет считать, что Кердер был огузским владением в низовьях Амударьи, а кердерская культура является культурой части огузских племен конца VII—XI вв.

Однако подобное определение было бы неполным, если бы мы не упомянули и о другом, может быть более малочисленном, но тем не

¹ А. В. Гудкова Ток-кала, стр. 83.

² Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1937, стр. 19.

³ J. Bacot. Reconnaissance en Haute Asia Septentrionale par cinq envoyes ouigors au VIII-e siecle „Jornal Asiatique“, vol. 254, 1959, № 2, p. 147. G. Clauson. A pronos du manuscrit Pelliot tibetian 1283. „Jornal Asiatique“, vol. 255, 1957, № 1, p. 16.

⁴ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, стр. 117.

⁵ Ал Истахри. Книга месалик ал мемалик. МИТТ, т. I, стр. 178.

⁶ Ю. П. Манылов. Сигнальные башни Султануиздага. ВКФ, 1969, № 3, стр. 65.

⁷ МИТТ, т. I, стр. 210.

⁸ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

менее реально существующем этническом компоненте населения Кердера. Уже на первоначальных этапах изучения кердерской культуры мы обратили внимание на тот факт, что в ее формировании можно выделить две слагающих: с одной стороны, элементы материальной культуры, генетически связанные с культурой степных племен низовьев Сырдарьи; с другой стороны, элементы культуры оседло-земледельческого афригидского Хорезма. Впоследствии появились новые факты, подтверждающие это положение. На некрополе Ток-калы для раннекердерского периода были выделены погребения, принадлежавшие хорезмийцам, и погребения, принадлежавшие огузской части населения Кердера.¹ Этническую неоднородность населения Кердера подтвердили и данные антропологии. Анализ массового краниологического материала из некрополя Ток-калы привел антрополога Т. К. Ходжайова к выводу о неоднородности расового состава этого поселения в раннекердерский и позднекердерский периоды. Первый выделенный им тип узко-высоколицый принадлежит закаспийскому типу средиземноморской расы и характеризует аборигенное хорезмийское население. Второй тип широко-и высоколицый принадлежит пришлому населению.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что население Кердера носило смешанный огузо-хорезмийский этнический характер. Возможно, что на базе этого смешения возникло и языковое своеобразие Кердера, на которое указывал Якут, отмечавший, что язык жителей этой области нехорезмийский и нетюркский.²

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о роли и месте кердерской культуры в этногенезе каракалпаков. Разработка проблемы этногенеза каракалпаков связана с большим кругом кочевых и полукочевых культур средневековья, локализующихся в поясе степей Евразии. Появление каракалпакского этноса в пределах современных административных границ Каракалпакской АССР не означает начала процесса этногенеза этого народа. Формирование этнического субстрата и ранние этапы этногенеза каракалпаков связаны в значительной степени с территориями, лежащими за пределами низовий Амударьи. Однако и на территории Каракалпакии имеются определенные археологические объекты, которые представляется возможным связывать с процессами этногенеза каракалпаков. К ним относятся памятники кердерской культуры.

Гипотеза об участии населения Кердера в этногенезе каракалпаков была впервые высказана Т. А. Жданко, опиравшейся на сообщение Н. А. Баскакова о наличии в составе каракалпакского племени мюйтен рода кердерли.³ Однако до недавнего времени это сообщение новыми наблюдениями не подтверждалось.

В 1969 г. языковеду У. Бекбаулову удалось получить новое подтверждение наличия рода кердерли в родоплеменном перечне каракалпаков. В колхозе имени Кирова Бирунийского района он обнаружил ныне здравствующую представительницу рода кердерли.⁴

Можно предположить, что род кердерли у каракалпаков почти исчез, чем и объясняется тот факт, что большинство информаторов, с которыми работали в последнее время этнографы, ничего не знает об этом роде. Это обстоятельство, видимо, объясняется неустойчивостью родоплеменной структуры вообще. Т. А. Жданко, например, отмечает, что „...многочисленное, политически сильное племя, ослабев и уменьшившись,

¹ В. Н. Ягодин, Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Т. К. Ходжайов. Указ. соч., стр. 63—64.

² Якут. Китаб муджам ал булду. МИТТ, т. I, стр. 431.

³ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 479.

⁴ Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою признательность У. Бекбаулову за сообщение этого факта.

теряет свою самостоятельность и соответственно меняет место в неустойчивой родо-племенной структуре".¹ Установлено, что подобным образом из родоплеменной структуры каракалпаков исчезло племя сандаулы.²

Совпадение названий каракалпакского рода и раннесредневекового гузского владения в низовьях Амударьи — явление не случайное. В этом нас убеждают многочисленные параллели, обнаруженные нами в материальной культуре Кердера и каракалпаков. Поиски этих параллелей только начаты и, несомненно, их количество в будущем возрастет.

Известно, что тамгой племени мюйтен является трезубец, осмысливаемый как орудие рыболовства — острога (шынышка). Полное сходство с этой тамгой имеет тамга владельца Кердера — Хусрау, которая, очевидно, является родовым знаком властвовавшего в Кердере рода или племени. Эта тамга помещена на реверсе монет Хусрау. Аналогичные тамги, прорисованные красной краской на бараньих лопатках, обнаружены нами во время раскопок кердерского поселения Куюк-кала. Изображения подобных трезубцев отмечены также в росписях одного из жилых помещений Алтыназара,³ относящегося к джетыасарской культуре, с которой кердерская культура связана генетически.

Многочисленные параллели мы находим в каракалпакских и кердерских орнаментах. Здесь отметим совпадение различных вариантов мотива бараньих рогов (муйиз) и когтей птиц (тырняк) прикладного искусства каракалпаков с аналогичными орнаментальными мотивами на кердерской керамике; прорезного орнамента в виде ломаной зубчатой полосы из нескольких линий кердерской керамики с аналогичными мотивами в каракалпакской вышивке и штриховой резьбе на пахсовых стенах хаули; каннелюров на тех же стенах и каннелюров на стенках некоторых типов сосудов из Кердера.

Предположение об огузской этнической принадлежности кердерской культуры уже само по себе приобщает ее к проблеме этногенеза каракалпаков. В настоящее время не вызывает сомнений точка зрения, согласно которой в этногенезе каракалпаков имеется значительный огузский пласт. Эта точка зрения разрабатывалась в трудах С. П. Толстова,⁴ Т. А. Жданко⁵ и нашла отражение в обобщающих работах по истории каракалпакского народа.⁶

Напомним свидетельства об участии племен огузского круга в этногенезе каракалпаков. В литературе неоднократно сопоставлялись наименования в родоплеменной номенклатуре каракалпаков рода „ябы“ или „джабы“ с титулом правителей огузов „ябгу“,⁷ ставка которых находилась в г. Янгикенте, в низовьях Сырдарьи.⁸ По наблюдениям этнографов, каракалпакские легенды локализируют в северо-восточном Приарале (местность Каракум) и родину ябы, которых считают одним из самых старых каракалпакских родов. Это дает основание думать об участии в этногенезе каракалпаков одного из огузских племен.

Этногенетические связи каракалпаков с огузами проявляются, кроме того, в целом ряде этнографических аналогий с туркменами, в этногенезе которых огузский элемент играл важнейшую роль. Существуют ис-

¹ Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 512.

² Т. А. Жданко. Там же.

³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 190, рис. 110.

⁴ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, №3. Он же. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4. Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л., 1950. Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Она же. Проблемы этногенеза каракалпаков. ВКФ, 1960, №1.

⁶ Очерки по истории Каракалпакской АССР, т. I. Ташкент, 1964, стр. 125.

⁷ Т. А. Жданко. Проблемы этногенеза каракалпаков, стр. 78.

⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 246—247.

торические предания о совместной с туркменами жизни каракалпаков в низовьях Сырдарьи и об их совместных перекочевках оттуда в центральные районы Средней Азии, отмечается близость многих мотивов орнамента вышивок и ковров у каракалпаков и туркмен, сходство музыкальных мелодий, некоторых типов головных уборов, ювелирных украшений.¹

Приведенные данные достаточно определенно свидетельствуют об этногенетических связях огузского населения Кердера с каракалпаками, что делает проблему кердерской культуры актуальной в историографии каракалпакского народа.

Резюме

Мақалада VII эсирдин ахыры, XI эсирдин басындағы кердер мәдениятының өзінің келип шығуы жағынан оғузларға қатнасылығын анықлауға хәрекет исленеди. Сондай ақ кердер мәдениятының каракалпаклардың этногенезиндегі компонентлердің бири болғанлығы туұралы шамалау бериледи.

Ю. П. МАНЫЛОВ, Т. К. ХОДЖАЙОВ

КУРГАНЫ НА ЮГЕ СУЛТАНУИЗДАГА

Северо-западнее городища Топрак-кала, в южных предгорьях Султануиздага, при аэрофотосъемке, проводившейся в 1969 г., было обнаружено 4 кургана. Местоположение могильника нам сообщил сотрудник Института этнографии АН СССР Н. И. Игонин, которому выражаем искреннюю признательность. В 1970 г. Государственным музеем искусств Каракалпакской АССР проведены археологические раскопки этих курганов (рис. 1).

Курганы в центральной части Хорезмского оазиса обнаружены впервые. Это заставляет нас остановиться на анализе археологического и антропологического материала более детально.

Курган № 1 занимает в могильнике крайнее юго-восточное положение. Диаметр насыпи равен 5,2—5,7 м. Ее высота не превышает 26 см. Могильная яма расположена в центре кургана и имеет овальную в плане форму. Длина ямы равна 190 см, ширина—75 см, глубина—60 см. В могильной яме лежал костяк, ориентированный головой на северо-северо-восток (аз. 20°). Костяк положен на спину с вытянутыми ногами, левая рука согнута в локте. Ее кисть находится в области таза. Правая рука вытянута. Около кисти правой руки найдена одна бирюзовая бусина. 25 бус, из которых 7 из ляпис-лазури, 5 из темно-зеленой пасты, 1 из сердолика, 12 из бирюзы и 1 из кости (?), лежали у шейных позвонков. С левой стороны черепа обнаружена бронзовая серьга с большой бусиной цилиндрической формы из зеленовато-голубоватой бирюзы.

Курган № 2 расположен северо-западнее кургана № 1. Диаметр насыпи равен от 9,6 м до 10,54 м. Высота насыпи 60 см. Могильная яма расположена в центре и имеет длину 2,05 м, ширину 0,75 м. В дне

¹ Т. А. Жданко. Проблемы этногенеза каракалпаков, стр. 78—79.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Н. ДАВКАРАЕВА

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

ВЫП. II

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1984

23. Коллекции Государственного музея искусств Каракалпакской АССР. Отдел древнего искусства. КП 3597—3599.
24. Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
25. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
26. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

В. Н. ЯГОДИН

КЕРДЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУЮК-КАЛА **Историческая топография и хронология**

Куюк-кала — один из наиболее значительных по своим размерам памятников Кердерской культуры. Это городище расположено в 30 км к северу от гор. Чимбая в Каракалпакской АССР, на высокой возвышенности, окруженной со всех сторон плоской пустынной равниной. В ряде мест равнина прорезана руслами недавнего происхождения, известными у местного населения под названием Караузьяк.

Куюк-кала и оссуарный могильник обнаружены в 1928 г. экспедицией этнографа А. А. Мелкова, на территории памятника произведены сборы подъемного материала [1, с. 151]. Экспедиция вывезла и передала в Русский музей в Ленинграде несколько алебастровых оссуариев с могильника Куюк-калы.

В 1956 г. Куюк-кала была повторно обследована этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР [2, с. 32—34], на памятнике проведены рекогносцировочные раскопки, позволившие определить общую дату памятника, дать первую характеристику его топографии, а также установить наличие мощного культурного слоя, разделяющегося на несколько строительных горизонтов. Высказано предположение, что Куюк-кала является одним из поселений раннесредневекового владения Кердер [3, с. 128 и сл.; 4, с. 241; 5, с. 116].

В 1961 г. раскопки памятника были продолжены археологическим отрядом Института истории, языка и литературы КК филиала АН УзССР [6] и в 1967 г. произведена плановая аэрофотосъемка памятника. Результаты раскопок 1961 г. и аэрофотосъемки 1967 г. изложены в данной статье.

Топография. Дешифровка топографии памятника — довольно сложная задача. В незначительной части плоской поверхности Куюк-калы сохранился рельеф, отражающий ее планировку. Почти по всей площади памятника процессы переработки поверхности дождевыми водами и ветром сгладили рельеф, отражавший топографическую структуру Куюк-калы, и сделали невозможной дешифровку ее топографии при наземных способах съемки. Это обстоятельство было учтено при обследовании памятника Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1956 г. В этот период был произведен облет и визуальное обследование памятника с самолета ЯК-12. Наблюдения с самолета в сочетании с наземной инструментальной топографической съемкой позволили получить план наиболее четко выраженной в рельефе части памятника и описать ее. При осмотре памятника с самолета было отмечено, что невыраженные в рельефе особенности топографической структуры памятника демаскируются при осмотре с воздуха разницей в окраске разрушенных строительных конструкций из сырца, битой глины, а также культурных слоев и материковых пород. Особенно четко эта разница в окраске проступала после дождя. Кроме того, при благоприятных условиях освещения демаскирующим топографию памятника элементом является и сохранившийся в некоторой части памятника микрорельеф. Учесть все эти моменты при составлении общего плана памятника и его описании было возможно только при помощи специальной аэрофото-

съемки. В связи с этим продолживший исследования Куюк-калы Институт истории, языка и литературы КК филиала АН УзССР произвел в 1967 г. плановую аэрофотосъемку памятника¹. Материалы этой съемки позволили уточнить составленные планы и описания Куюк-калы.

Как отмечено, Куюк-кала находится на вершине небольшой возвышенности и занимает не всю вершину, а лишь ее плоскую юго-

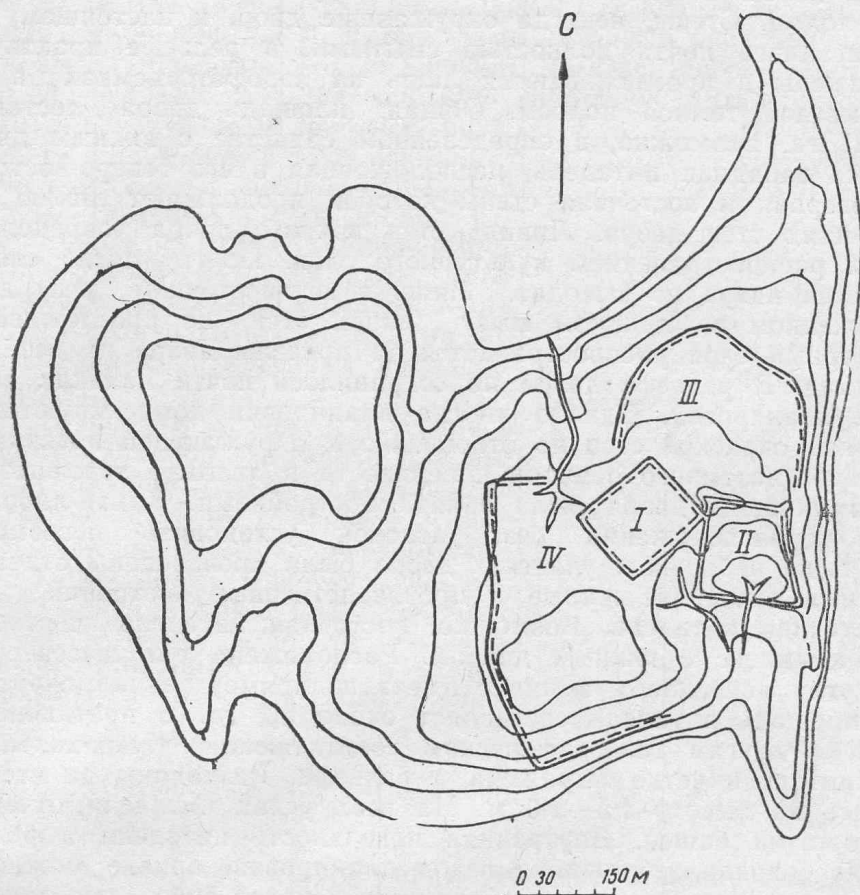

Рис. 1. Поселение Куюк-кала. План. I — западная цитадель, II — восточная цитадель, III — северный двор, IV — южный двор.

восточную часть (рис. 1). По подсчету, произведенному в 1956 г., площадь памятника определена в 41 га [2, с. 34], а после новых подсчетов эта цифра оказалась несколько завышенной, очевидно, из-за того, что не были четко выделены общие очертания памятника. По новым подсчетам, произведенным на основе аэрофотосъемки, площадь памятника определена округленно в 27 га. Однако 27 га — это лишь общая площадь распространения культурного слоя на Куюк-кале, действительные размеры поселения были гораздо менее 27 га, очевидно, они были различными в разные периоды использования Куюк-калы. Памятник сложен по структуре. В его составе можно выделить четко определяющиеся четыре части, условно названные: северный двор, южный двор, восточная цитадель, западная цитадель.

Северный двор. Находится на северном скате холма, общая площадь двора около 6 га. С севера, востока и запада двор был охвачен дугообразной стеной, очертания которой, видимо, были обусловлены рельефом местности. Стена смыта почти полностью, сохранилась лишь в микрорельефе, демаскирующем ее на аэрофотоснимках. На

¹ Съемка выполнена инженером-геодезистом Н. И. Игониным.

поверхности двора не отмечено следов какой-либо планировки. Однако вся она покрыта ямами, заполненными культурным слоем, многочисленными развеваемыми углисто-золистыми слоями и очень редкими фрагментами керамики и костей животных. На территории описываемого двора во время раскопок 1961 г. было обнаружено оди-
ночное погребение (раскоп VIII).

Южный двор. В плане он подпрямоуголен, находится на плоской вершине, двумя сторонами выходит на крутые восточный и южный склоны холма. Стены, некогда окружавшие двор, к настоящему времени оказались почти полностью смытыми, в рельефе практически не выражены и прослеживаются лишь на аэрофотосъемках в виде слабозаметной темной полосы. Общая площадь двора составляет около 21 га. Возможно, в определенном единстве с южным двором находится западная цитадель, расположенная в его северо-восточном углу, северная и восточная стены которой продолжают линию соответствующих стен двора. Линия стен южного двора определяется также и распространением культурного слоя. Почти нигде слой за линию стен двора не выходит. Лишь в юго-восточном углу двора, расположенном на длинном мысу, линия стен не прослеживается, а культурный слой распространяется за пределы двора по всей площади мыса. В рельефе двора не сохранилось почти никаких следов древних планировок. Однако иногда планировки демаскируются более темной окраской стен по отношению к окружающей поверхности. По данным наземного осмотра поверхности и анализа аэрофотоснимков, вся площадь двора была занята постройками. Какой-либо системы в их расположении без раскопок установить невозможно. В 1956 г. на небольших участках двора были произведены отдельные раскопки и выявлены жилые и производственные постройки.

Восточная цитадель. Возможно, восточная цитадель составляла единый комплекс с южным двором. Расположена она в северо-восточном углу последнего, в плане имеет подпрямоугольные очертания, общая площадь цитадели составляет около 2,2 га. В противоположность всем другим топографическим составляющим Куюк-калы, восточная цитадель четко выражена в рельефе. Развалины ее стен сохранились на высоту 1,5—2,0 м. На всех углах цитадели отчетливо видны остатки башен. Внутренняя поверхность цитадели в рельефе также не сохранила никаких следов планировки, однако можно выделить эти следы по цвету поверхности, какой-либо определенной системы в выявляемой таким образом планировке без раскопок установить не удалось.

Западная цитадель. В плане подпрямоугольная, общая площадь около 1,8 га. В планировочном отношении ни с северным, ни с южным дворами не связана. Углами ориентирована по странам света. Восточным углом примыкает к западной стене восточной цитадели. Частично перекрывает северную стену южного двора. Стены цитадели разрушились почти полностью, в рельефе не прослеживаются, заметны лишь при осмотре с воздуха и на аэрофотоснимках. По различию в цвете внутри цитадели кое-где можно проследить следы планировок. По периметру западная цитадель оконтуривается широкой светлой полосой, под которой находятся остатки рва, окружавшие цитадель.

Характеристика раскопок 1956 и 1961 гг.

Во время кратковременного обследования памятника в 1956 г. были заложены семь небольших раскопов (рис. 2).

Раскоп I. Выбран тот участок памятника, где стены цитаделей подходят близко одна к другой для получения данных по стратиграфии. Заложен в виде траншеи, пересекающей стены двух цитаделей, на восточном конце траншеи, находящемся внутри восточной цита-

дели, произведена расчистка поверхности и заложен шурф. В траншее между цитаделями были вскрыты линзообразные песчано-глинистые натеки, лежащие, по выражению авторов раскопок 1956 г., в «котловане», развалка из сырцовых кирпичей, названная стеной западной цитадели, перекрывающие их глиняные полы помещений одновременных восточной цитадели. В расчистке на восточном конце траншей выявлена кладка из сырцовых кирпичей, у которой был заложен шурф, доведенный до материка. В шурфе вскрыт культурный слой мощностью 2,3 м, разделенный авторами раскопок на три строительных горизонта. На небольшом участке, пересеченном траншеей, была выяснена конструкция стен восточной цитадели. Установлено, что стены цитадели двойные, внутри них расположен коридор шириной 1,6—2,0 м, имевший плоское камышовое перекрытие. Стены грубо сложены из кирпича-сырца (33—34×33—34×8—9 см). Установлено также, что в данном месте стены цитаделей поставлены на более ранних культурных напластованиях.

Раскоп II. Заложен в северной части западной цитадели для выяснения планировки находящихся здесь помещений. В раскопе вскрыты два помещения, перекрывающие друг друга. Верхнее представляет собой комнату размером 4,7×3,4 м, вдоль стен ее расположены кирпичные суфы, в центре прямоугольный открытый очаг.

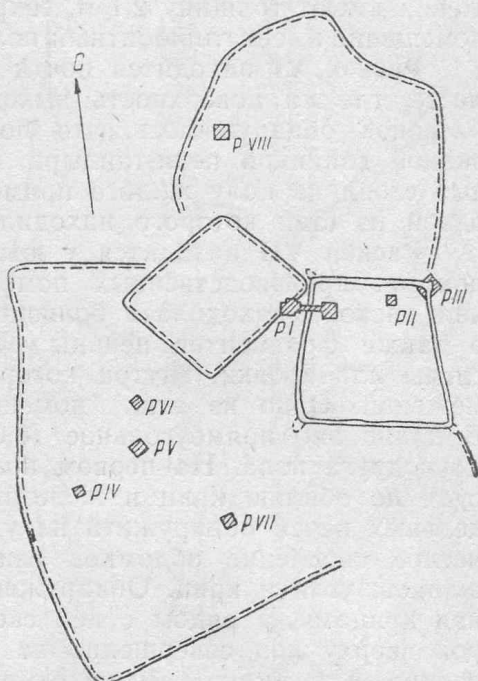

Рис. 2. Поселение Куюк-кала. Схема расположения и номера раскопов.

Ниже расположено другое прямоугольное в плане помещение с суфой у северной стены и прямоугольным открытым очагом в центре. В одной из боковых стен проход шириной около 80 см. Авторы раскопок считают, что верхнее помещение соответствует первому (сверху) горизонту, установленному в шурфе на раскопе I, а нижнее — второму горизонту.

Раскоп III. Заложен на северо-восточном углу восточной цитадели для выяснения конструкции угловой башни и прилегающих к ней участков стен цитадели. Установлено, что угловая башня в плане имела вид удлиненного полуовала, ось которого продолжает направление диагонали цитадели. Внутри северной и восточной стен, примыкающих к башне, так же, как и на западной стене, находился внутристенный коридор, глухой стеной отделенный от помещения внутри башни. Кладка стен на данном участке цитадели аналогична описанной для западной стены. Установлено также, что башня и стены, примыкающие к ней, поставлены непосредственно на материке, которым в данном случае является песок. Для предотвращения осыпания поверхность песка была закреплена глиняной засыпкой и обмазкой.

Раскоп IV. Заложен в юго-западной части южного двора для выяснения характера планировки, частично просматривавшейся с поверхности. Были расчищены два помещения, перекрывающие одно другое. От верхнего помещения сохранились лишь незначительные остатки стен, сложенные из кирпича-сырца 34×34×8—9 см. Нижнее

помещение — прямоугольное в плане, с суфами вдоль трех стен и прямоугольным открытым очагом с округлым вдавлением от сосуда в центре. Авторы раскопок относят нижнее помещение ко второму строительному горизонту, установленному в шурфе на раскопе I.

Раскоп V. Находится в юго-западной части южного двора. Заложен для выяснения характера планировки, находившейся под возвышавшимся в данном месте невысоким бугром. В ходе раскопок были расчищены два различных строительных комплекса, перекрывающих один другой. Сверху находились остатки двух небольших очень плохо сохранившихся прямоугольных помещений. Непосредственно под ними находились остатки круглого в плане сооружения диаметром 6,2 м, построенного из кирпича-сырца $34 \times 34 \times 8-9$ см. Стены сооружения имеют толщину 2,1 м, сохранились в высоту в 1 кирпич. Внутри помещение имеет глинобитный пол.

Раскоп VI находится почти в центре южного двора. Заложен на месте, где на поверхность выходило интенсивное пятно гари. После раскопок обнаружилось, что под пятном находились остатки ульевидной глиняной печи-тандыра, служившей для выпечки хлеба. Тандыр стоял на полу жилого прямоугольного в плане помещения, вдоль одной из стен которого находилась низкая кирпичная суфа.

Раскоп VII находится у южной стены южного двора. Заложен в поисках производственных помещений, поскольку на месте заложения раскопа находилась большая россыпь железных шлаков и криц, а также фрагментов печины. Под россыпью явственно проступали следы планировки, внутри которой угадывались контуры четырех помещений. Одно из этих помещений было расчищено полностью. В плане оно прямоугольное ($8,0 \times 4,2$ м), имеет три перекрывающих друг друга пола. На первом полу сверху обнаружены остатки печей, судя по обилию криц и железных шлаков — железоплавильных. Отдельных печей обнаружить не удалось. Было расчищено лишь хаотическое скопление обломков глиняных обожженных обмазок печей, шлаков, угля и криц. Обнаружена также неглубокая ямка, наполненная крицами, а рядом с ней скопление золы и древесного угля. Второй сверху пол совершенно не обожжен, на нем обнаружены следы сплошной застилки камышовыми циновками. В слое над полом обнаружено большое количество фрагментов керамики, костей рыб. Третий сверху пол сильно разрушен ямами, на нем обнаружена сильно разрушенная печь, от которой сохранилась лишь часть пода с несколькими отверстиями. Обожженная до красноты поверхность пола прослеживается на площади $1,5 \times 1,0$ м и, видимо, соответствует площади основания печи. Общая форма не поддается реконструкции.

В 1961 г. были продолжены работы на раскопе I и заложен новый VIII раскоп. Раскоп I был продолжен от траншеи к западу, где на площади 176 м^2 была произведена расчистка части большого многокомнатного здания. Траншея между стенами восточной и западной цитаделей была значительно углублена, что позволило принципиально по-иному интерпретировать ранее обнаруженные наслоения. Общая протяженность траншеи 10 м, ширина 2 м. Раскопки производились по квадратам 2×2 м. Восточный конец траншеи упирался в стену восточной цитадели, сохранившуюся в данном месте на высоту четырех кирпичей. От стены вглубь траншеи на расстоянии около 4 м прослеживался наклонно залегающий слой (рис. 3, слой 4), сформированный продуктами разрушения стены, битым сырцовым кирпичом, глиной. Затем на протяжении около 3 м этот слой прерывался линзообразными песчано-глинистыми наслоениями «котлована» (рис. 3, слой 3), вскрытого в 1956 г. После линзы слой прослеживался снова на протяжении около 3 м. Остатки стены западной цитадели в траншее обнаружить не удалось. По-видимому, в данном месте она разрушена до основания, от нее сохранилась лишь темная полоса, видная на аэрофотоснимках. Светлая полоса, огибающая за-

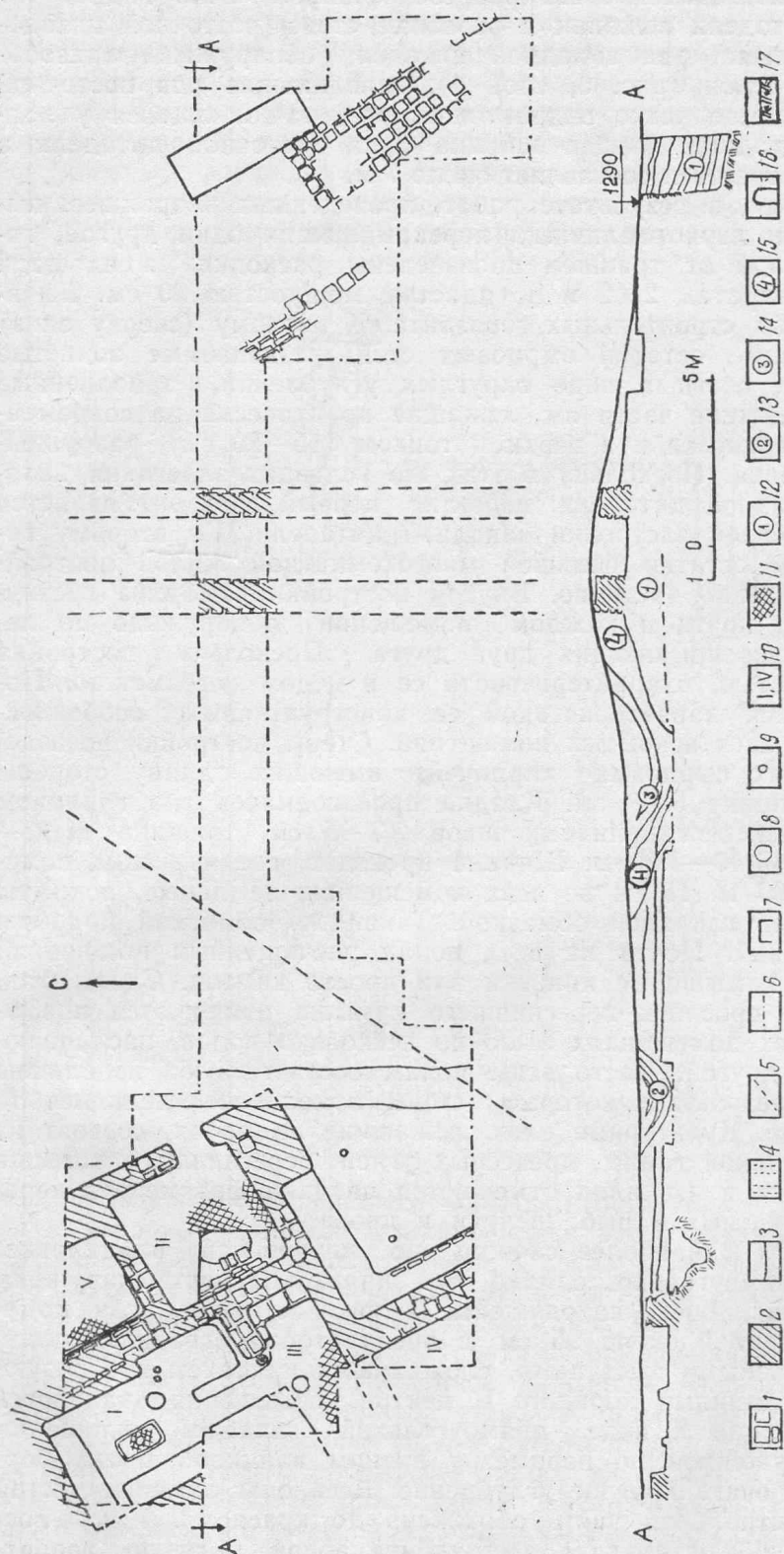

Рис. 3. Раскоп I. План и разрез по линии АА. Усл. обозначения:

1 — кирпичи сырцовые, 2 — сырцовая кладка запывшая, 3 — уровни полов помещений, 4 — предполагаемые направления стен, 5 — линия стены западной цитадели, 6 — границы раскопов, 7 — границы шурфов, 8 — ямы хозяйственные, 9 — ямы столбовые, 10 — номер помещений, 11 — прокаленная докрасна поверхность, 12 — культурные слои, подстилающие стены восточной цитадели, 13 — песчано-глинистые линзообразные слои канавы верхнего горизонта, 14 — линзообразные слои рва западной цитадели, 15 — культурные наслоения рва восточной цитадели, 16 — канава верхнего горизонта, 17 — материк.

падную цитадель по периметру, демаскирует ров. В описанной траншее наслоения рва представлены упомянутыми песчано-глинистыми линзообразными наслоениями, которые во время раскопок 1956 г. были названы «котлованом». На разрезе траншеи ясно видно, что ров западной цитадели выкопан в развалке стены восточной цитадели. Ниже отложений рва западной цитадели обнаружены линзообразно прогнутые слои (рис. 3, слой 4), заполнившие ров восточной цитадели. На разрезе четко видна линия рва, начинающаяся у подножья стены цитадели. Общая ширина рва восточной цитадели в месте заложения траншеи составляет около 7 м.

Таким образом, в результате работ, проведенных в траншее, выявлены наслоения двух различных, перекрывающих один другой, горизонтов. К западу от траншеи произведены раскопки на площади 168 кв. м по квадратам 2×2 м по пластам мощностью 20 см. Выявлены три основных строительных горизонта. К первому (сверху вниз) отнесены различные остатки сырцовых стен, развеваемые золистые культурные слои, очаги в виде округлых углублений, заполненные золой и углем, нижние части ям, лежащие практически на современной дневной поверхности и в верхнем тонком (15—20 см) разрушенном слое памятника. Поскольку в этих же условиях залегания находятся стены западной цитадели, вероятно, первый горизонт является остатками внутренней застройки западной цитадели. Ко второму горизонту отнесены остатки большой многокомнатной жилой постройки, раскопанной лишь частично. Внутри постройки отмечены частичные перестройки, почти в каждом помещении обнаружено по несколько полов, перекрывающих друг друга. Поскольку постройка вскрыта неполностью, охарактеризовать ее в целом невозможно. Поэтому ограничимся характеристикой ее конструктивных особенностей и описанием всех вскрытых помещений. Стены постройки возведены из квадратных сырцовых кирпичей, имеющих длину стороны 33—37 см и толщину 6—8 см. Кладка производилась на глиняном растворе, толщина межкирпичных швов — 3—5 см, толщина стен — 0,90—0,95 м или 1,40—1,50 м. Ширина проходов, соединяющих помещения, — 0,95—1,00 м. Полы во всех помещениях земляные, покрыты в несколько слоев глиняной обмазкой. Такой же обмазкой покрыты и стены помещений. Почти на всех полах расчищенных помещений были постелены камышовые циновки или просто камыш. Следы этой застилки в виде прослоек перегнившего камыша отмечаются повсюду. Почти во всех помещениях было по несколько полов, наслаивающихся один на другой. Часто этим полам соответствуют небольшие перестройки, в результате которых стены помещений делались то толще, то тоньше. Культурные слои, лежавшие на полах, состоят из золы, намыва зеленой глины, древесных углей, перегнившего камыша и навоза. В слоях в изобилии отмечаются находки фрагментов керамики, костей животных и рыб, шелухи и проса.

Помещение № 1 наиболее сложно по внутренней планировке. В плане оно прямоугольно, однако эта прямоугольность нарушена подпрямоугольной нишей, находящейся в юго-восточном углу помещения. Вход шириной около 95 см с обеих сторон ограничен длинными пилонообразными выступами, сложенными из пахсы и образующими довольно длинный коридор. В центре помещения находится очаг открытого типа в виде прямоугольной глиняной площадки 150×90 см, окруженной по периметру низким валикообразным бортиком. В центре очага круглое углубление. Весь очаг засыпан чистой золой, а его центральная часть обожжена до красноты. У юго-восточного угла глубокая круглая яма забита золой, которую, вероятно, сюда периодически сгребали с очага. Рядом с ямой находятся две небольшие глубокие ямки, где, видимо, стояли два спаренных деревянных столба. Вдоль западной и северной стен помещения расположены низкие кирпичные суфы, обмазанные глиной, перестроен внутри помещения не отмечено. Пол только один. Слой, которым он

засыпан, состоит из горизонтально-слоистых перегнивших органических наслоений, по преимуществу камыша, видимо, остатков истлевших камышовых циновок, устилавших пол помещения. Выше помещение было перекрыто завалом от обрушившихся стен.

Помещение № 3. Упомянутым проходом помещение № 1 соединяется с помещением № 3, раскопанным неполностью. Вход в это помещение, видимо, находится в западной стене. У южной стены помещения прямо на полу следы большого бесформенного кострища, перед которым расположена неглубокая яма диаметром около 50 см. В плане помещение прямоугольное, стены сильно разрушены, обнаружен только один пол, на поверхности которого местами сохрани-

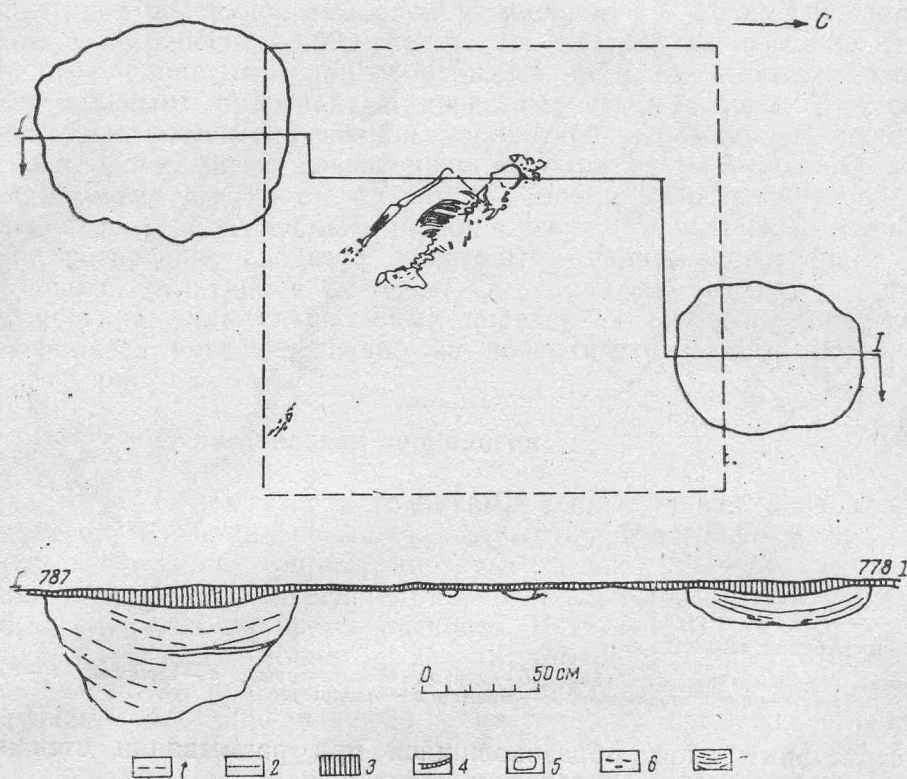

Рис. 4. Погребение (раскоп VIII). План и разрез. Условные обозначения:

1 — граница раскопа, 2 — линия разреза, 3 — тахирная корка, 4 — золистые прослойки, 5 — ямы, 6 — угли древесные, 7 — песчано-золистые линзообразные слои.

лись прослойки перегнившего камыша, оставшиеся от устилавших пол камышовых циновок. Эти прослойки часто оказываются перекрытыми слоями перегнившего навоза. Поверх культурного слоя в некоторых местах помещения лежит развалка сырцовых стен.

Помещение № 2. В плане квадратное. В восточной стене имеет проход, выводящий во двор. С другими помещениями не сообщается. В центре находится бесформенное кострище. Аналогичное кострище обнаружено у середины южной стены. В помещении обнаружены два пола, перекрывающие один другой. Нижний пол (пол № 2) по всей поверхности перекрыт слоем, состоящим из остатков устилавших пол камышовых циновок, с прослойками зеленой глины. Под этим слоем непосредственно на поверхности пола лежит тонкая зольная прослойка, образовавшаяся, видимо, от кострища, находившегося на полу № 2 в центре помещения. Поверх слоев, связанных с полом № 2, в пределах всего помещения находится слой, образовавшийся в процессе разрушения сырцовых стен. Слой этот, видимо, соответствует периоду, когда помещение было заброшено и постепенно разрушалось. Пол № 1 был положен непосредственно на выровненную по-

верхность слоя разрушения. С этим полом связано упоминавшееся выше бесформенное в плане кострище, расположенное у середины южной стены помещения. В помещении № 2 был заложен шурф 2×2 м, доведенный до материка. В шурфе под полом помещения была обнажена поверхность материка и вскрыта яма, выкопанная в материке.

Помещение № 5. Раскопано неполностью. В плане подпрямоугольно. В помещении имелся только один пол. По всей его поверхности прослеживаются следы сплошной застилки камышовыми циновками. У западной стены помещения находится небольшое кострище. Восточная стена помещения сильно разрушена. На полу под этой стеной лежит сплошной слой обвалившейся стены, а выше описанных сло-

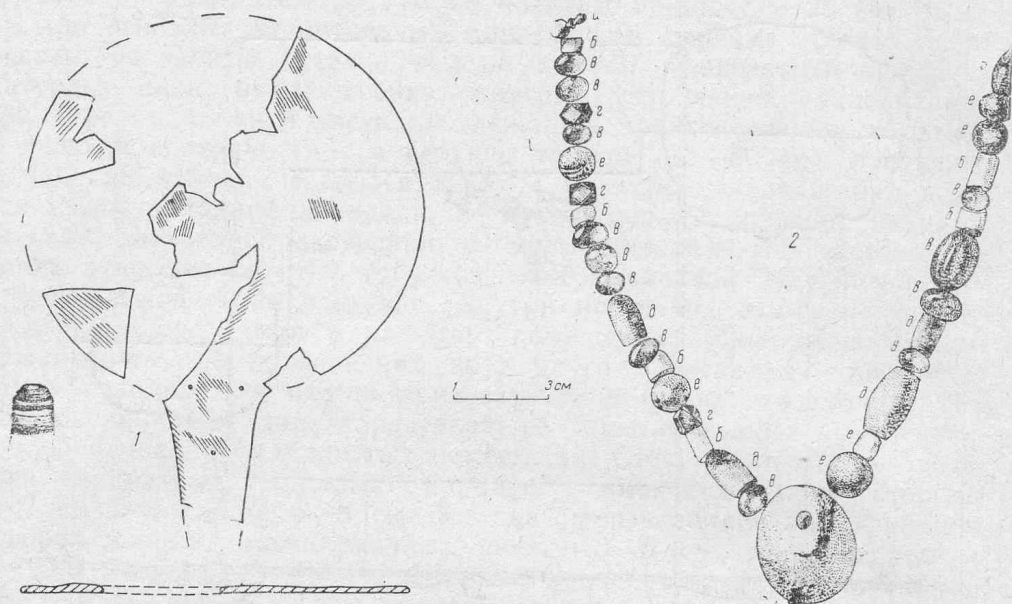

Рис. 5. Погребение. Инвентарь.

1 — зеркало; 2 — ожерелье: а — бронза, б — коралл обесцвеченный, в — сердолик, г — ляпис-лазурь, д — янтарь, е — паста стеклянная, ж — мрамор, з — гешир(?).

ев — супесчаный слой, образовавшийся при размывании стен и засыпании песком заброшенного помещения.

Двор. Расчищенные восточная и южная стены многокомнатной постройки обращены в принадлежащий ей двор. Восточная стена изломана под прямым углом, на внутренней стороне которого в глубокой нише расположена низкая кирпичная суфа. Перед суфой на одной параллельной стене линии — две глубокие ямки, где находились столбы, очевидно, поддерживавшие навес. В целом все это было чем-то вроде айвана, известного сейчас в народной архитектуре каракалпаков. Во дворе были установлены три последовательно перекрывающих одна другую жилых поверхности (условно «полы»). Суфы и айван связаны с двумя нижними поверхностями (полы № 3 и № 2). Верхняя поверхность (пол 1) перекрывает суфу. Очевидно, в соответствующий период айвана во дворе уже не существовало. Культурные слои, лежащие на третьем и втором полах, состоят из горизонтально-слоистых прослоек перегнивших камыша и навоза и прослоек зеленой глины. Все слои перекрыты слоем плотной глины с обломками сырцовых кирпичей, представляющим собой, видимо, продукт разрушения сырцовых стен в период, когда двор был заброшен и постепенно затягивался обрушивающимися и размываемыми дождевыми водами продуктами разрушения сырцовых стен. Пол № 1 был положен непосредственно на выровненную поверхность описанного слоя разрушения. Культурный слой пола представляет комковатую массу с прослойками зеленой глины.

Раскоп VIII заложен на территории северной цитадели, в 70—80 м к северу от северного угла западной цитадели, на площади 240 м² в связи с тем, что при осмотре данной части городища в разрушающихся верхних слоях, практически на современной поверхности интенсивно размываемого дождевыми водами склона, было обнаружено погребение (рис. 4). При расчистке погребения выяснилось, что оно сильно разрушено. Никаких данных относительно формы и размеров могильной ямы, характера могильного сооружения не получено. Костяк лежал на спине, вытянуто, черепом ориентирован на северо-запад (аз — 47°). Под черепом и рядом с ним были обнаружены остатки шелковой (?) ткани, бусы и разбитое, видимо, преднамеренно, зеркало (рис. 5). В поисках других погребений на площади 240 кв. м был снят поверхностный слой мощностью 15—20 см, под которым рядом с погребением обнаружены две подкруглые в плане ямы, заполненные слоистыми линзообразными песчано-золистыми наслоениями с отдельными прослойками древесных углей и золы. В ямах найдено несколько обломков лепной кердерской керамики. Непосредственной связи с описанным погребением ни одна из расчищенных ям не имеет. Помимо ям, на расчищенной площади обнаружены большие скопления золы и неглубокие канавки, также заполненные золой. Описанное погребение сходно с некоторыми типами погребений в Джеты-асарской культуре в низовьях Сырдарьи, где наряду с погребениями в курганах или специальных постройках отмечены захоронения, находящиеся непосредственно на поверхности и чуть присыпанные [4, с. 196, рис. 113, IV].

Относительная хронология

Основными источниками для изучения относительной хронологии Куюк-калы могут служить топографические материалы (аэрофотопланы, данные инструментальной съемки памятника), наблюдения за стратиграфией памятника, значительный объем которых был накоплен во время раскопок 1956 и 1961 гг. По этим данным для Куюк-калы можно выделить четыре основных относительно-хронологических периода (I—IV, счет снизу вверх) и распределить между ними все определенные к настоящему времени объекты памятника.

К первому периоду можно отнести культурные слои, лежащие непосредственно на материке, и ямы, выкопанные в нем. Эти слои и ямы были вскрыты на небольшой площади в шурфах 1956 и 1961 гг., заложенных на раскопе I. Яма I периода, вскрытая в шурфе 1961 г., оказалась перекрытой слоями вышележащих строительных горизонтов, относящихся ко II и IV периодам. Культурный слой в шурфе 1956 г., лежащий непосредственно на материке, также перекрыт наслоениями двух строительных горизонтов, относящихся ко II и III периодам. Никаких строительных конструкций со слоями и ямами I периода не связывается. Ко второму периоду относится многокомнатное здание, частично вскрытое в 1961 г. на раскопе I, а также культурные слои, подстилающие стены восточной цитадели, вскрытые на раскопе I в траншее и шурфе 1956 г. Внутри этого периода можно выделить три фазы, связанные с использованием многокомнатной постройки. В первой фазе использовалось только что построенное здание, во второй произошло его запустение, частичное разрушение сырцовых стен и засыпание их обломками помещений, третья фаза — повторное освоение здания и настиление полов по выровненной поверхности завалов в помещениях.

Слои второго периода перекрываются слоями третьего, что хорошо видно на разрезе I—I, на котором часть двора многокомнатного здания со всеми его наслоениями оказалась прорезанной рвом восточной цитадели, относящейся уже к третьему периоду. К третьему

му периоду отнесена восточная цитадель, верхний горизонт вскрытых на раскопе I в шурфе 1956 г. наслоений, помещения, вскрытые на раскопе II, представляющие собой, видимо, внутреннюю застройку цитадели. Вскрытые на раскопах IV, VI помещения аналогичны помещению, расчищенному на раскопе II и, по-видимому, синхронны ему. Восточная цитадель и южный двор в планировочном отношении представляют собой единое целое, поэтому можно предполагать их одновременность. Однако культурные напластования, на которых построена восточная цитадель, нигде не выходят за пределы стен южного двора, что должно свидетельствовать о том, что его стены строились гораздо раньше восточной цитадели. Поэтому можно предположить о строительстве стен южного двора в первом периоде и о включении в третьем периоде в систему этих стен восточной цитадели. Западная цитадель, относящаяся к четвертому периоду, как бы перекрывает часть северного двора, его сооружение должно было прои-

Таблица I

Относительная хронология Куюк-калы

	Период	Объект			
Позже	IV	Западная цитадель, первый горизонт на раскопе I			
	III	Восточная цитадель, раскопы II, IV, VI			
Раньше	II	Многокомнатное здание в отложениях II горизонта на раскопе I. Слои под восточной цитаделью	II фаза	Пол №1	Северный двор
	I		I фаза	Полы № 3, 2	
	I	Южный двор (?). Ямы и культурные слои на материке			Раскопы V, VII, VIII.

зойти не позже, чем в III период. Однако на имеющихся материалах в относительно-хронологической схеме для него определить место невозможно, он может быть отнесен к I, II или III периодам. К четвертому периоду отнесена западная цитадель и отложения первого строительного горизонта на раскопе I. Для подобного разделения имеются прочные стратиграфические основания. Как уже отмечалось выше, ров западной цитадели выкопан в отложениях рва, относящегося к III периоду восточной цитадели, а I горизонт на раскопе I перекрывает относящиеся ко второму периоду отложения второго горизонта. Эти отложения (многокомнатное здание) перекрыты слоем запустения, видимо, соответствующим третьему периоду.

Каких-либо существенных данных для определения места раскопов V, VII, VIII в системе относительной хронологии Куюк-калы в нашем распоряжении нет.

Относительная хронология памятника в том виде, в каком мы ее можем построить в настоящее время на материалах представлена в табл. 1.

Абсолютная хронология

К сожалению, в настоящее время невозможно установить абсолютные даты каждого из выделенных четырех периодов относительной хронологии для Куюк-калы. Общая дата всей свиты культурных напластований Куюк-калы уже достаточно узка (менее 100 лет) и ее расчленение на более узкие хронологические отрезки

Таблица 2

Краткое описание	Материал	Вес, г	Размер	Определение	Местонахождение
Ав. Мужская голова в профиль вправо. Высокая корона. Спереди над лбом три рельефные точки. Сбоку короны косой крест с четырьмя рельефными точками в углах. По нижнему краю короны ряд аналогичных точек. Сзади короны надзатыльник с лентами. На шее рельефные точки. По краю монеты точечный ободок. Штамп смещен налево вверх Rv. В центре тамга , круговая легенда. Линейный ободок. Штамп смещен направо вверх	Медь	2,400	2,6	Чеган-Аз-кацвар. Конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)	Подъемная
Ав. Мужская голова в короне вправо. Корона слегка расширяется кверху, середина передана двумя дугообразными линиями. По краю монетного кружка точечный ободок. В поле перед лицом три рельефные точки Rv. Не читается Ав. Не читается Rv. Видна часть круговой легенды	Медь	1,700	2,3	Савашфан или близкий тип. Середина VIII в.	Подъемная
Ав. Слабозаметное изображение в профиль вправо человеческой головы Rv. В центре тамга , круговая легенда	Медь	1,280	2,15	Предположительно Чеган-Аз-кацвар. Конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)	Подъемная
Ав. Слабозаметное изображение человеческой головы, в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок Rv. Следы круговой легенды Ав. Не читается	Медь	1,600	2,25	Савашфан или близкий чекан. Середина VIII в.	Подъемная
Rv. Слабозаметная круговая легенда. Штамп смещен вверх	Медь	1,520	1,90	Савашфан или близкий тип. Середина VIII в.	Подъемная
Ав. Мужская голова в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок Rv. Круговая легенда	Медь		29	Каник. Середина VIII в.	Подъемная
Ав. Мужская голова в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок Rv. Всадник вправо, левая рука поднята и вытянута вперед, в правой по-	Медь	3,600	31	Каник. Середина VIII в.	Подъемная
водья, сзади на крупе тамга. Круговая легенда					

Краткое описание	Материал	Вес, г	Размер	Определение	Местонахождение
Ав. Мужская голова в профиль вправо. Ступенчатая корона с полушарием в середине и полумесяцем над ним. Сзади ниспадающие косополосатые ленты и три рельефных точки. По краю монеты точечный ободок. В центре монеты круглое сквозное отверстие. Rv. Круговая легенда (?), сбоку тамга , под ней еще одна s-образная тамга или знаки надписи.	Медь	5,570	27	Хорезм, VII в.	Подземная

Примечание. В „списке“ учтены только монеты, найденные в 1961 г.

вызывает затруднения. В качестве датирующего может быть использована керамика, однако ни одна из известных в настоящее время форм не имеет более узкой даты, чем дата всей свиты культурных напластований Куюк-калы. Аналогичное положение сложилось и в отношении всех прочих категорий археологических находок, за исключением монет, однако их находки *in situ* пока слишком малочисленны, чтобы создать прямую основу для определения абсолютных дат относительно-хронологических периодов. Проанализируем находки нумизматического материала на памятнике (табл. 2). Обнаружены монеты четырех различных типов: Хорезм VII в. (1 экз.), Чеган — конец VII, Азкацвар — начало VIII вв. (3 экз.), Савашфан — середина VIII в. (3 экз.), Каник — середина VIII в. (2 экз.). Все найденные монеты, видимо, определяют общую дату свиты культурных слоев Куюк-калы. Только одна монета найдена *in situ*, на раскопе 1 в помещении 2, пол 1, и относится, таким образом, ко второй фазе II периода относительной хронологии. Монета эта датируется серединой VIII в. Значит, и все отложения второго периода должны быть датированы не ранее, чем серединой VIII в. Подобная дата для наслоений II периода сомнительна уже потому, что она отодвигается по меньшей мере во вторую половину VIII в. — дату наслоений III периода, очевидно, синхронного раннекердерскому комплексу Ток-калы. Дата же последнего конца VII — первая половина VIII в. установлена на основании нумизматических данных как будто бы довольно прочно.

Видимо, при нынешнем уровне изученности Куюк-калы целесообразно отказаться от попыток установления абсолютных дат для каждого из периодов относительной хронологии и ограничиться установлением общей даты для всей свиты наслоений памятника в целом по данным нумизматики. Действительно, даты всех найденных во время работ 1961 г. монет не выходят за пределы VII — первой половины VIII в. Эту дату несколько сужают аналогии хорезмийским формам керамики, найденным на Куюк-кале во всех слоях — хумы и водоносные кувшины, характерные для хорезмийской афригидской культуры, хорошо изученные по данным, полученным при раскопках поселений раннесредневекового Беркуткалинского оазиса и датированные там по нумизматическим данным последней четвертью VII — первой половиной VIII в. Эти же даты, очевидно, мы вправе принять и для всей свиты культурных напластований Куюк-калы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957.
2. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.— МХЭ, вып. 1, М., 1959.
3. Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюк-кала в 1956 г.—МХЭ, вып. 1, М., 1959.
4. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
5. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1955—1956 гг.— СА, 1958, № 3.
6. Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи.— АКД, М., 1963.

Ю. П. МАНЫЛОВ, М.-Ш. КДЫРНИЯЗОВ

ГОРОДИЩЕ ДЖАНПЫК-КАЛА

Первое упоминание о памятнике встречается в 1863 г., когда профессор восточных языков и литературы при Пражском университете под видом дервиша посетил Хивинское ханство [1, с. 124]. При геологическом обследовании Султануиздага в 1874 г. Н. П. Барбот-де-Марни осмотрел городище Джанпык-кала [2, с. 80]. Краткое описание памятника составила А. Е. Россикова [3, с. 640].

В советское время Хорезмской экспедицией в 1940 г. на Джанпык-кале был собран подъемный материал, снят план, сделан перспективный рисунок развалин и сфотографированы стены [4, с. 623]. С. П. Толстов датировал памятник XII—XIV вв., в основании стен отмечены следы античной кладки [5, с. 168—169, рис. 165, табл. 68—69].

В 1965 г. археологи Каракалпакского филиала АН УзССР провели обследование городища и наметили программу его изучения, к реализации которой приступили только в 1971 г. [6].

С 1971 г. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР начал исследования на городище. Были проведены детальные архитектурные обмеры, заложены раскопы 1 и 2 [7, с. 13—14], открыт большой по площади могильник, среди которого возвышаются руины двух мавзолеев. Один из них раскопан [8, с. 73—78].

В 1973 г. работы на Джанпык-кале были продолжены, расширены старые и заложены новые раскопы [9, с. 484].

В 1978—1981 гг. археологические работы велись в южной части городища, где культурный слой сохранился лишь частично и на раскопе 2.

Джанпык-кала находится на северо-западе Берунийского района Каракалпакской АССР на краю одного из юго-западных отрогов Султануиздагского хребта.

В плане городище имеет сложную конфигурацию, не обусловленную, однако, рельефом местности (рис. 1, 1), с запада на восток вытянуто на 420 м, ширина — 288 м. Площадь памятника около 12 га. На северной стороне его имеется уступ во внутрь городища. Восточная стена по отношению к северной поставлена почти под прямым углом, но затем в 65—70 м от северо-восточного угла она начинает сворачивать на юго-запад. О конфигурации западной части можно говорить лишь предположительно.

Большие оплывшие бугры стен существовали здесь еще в начале 30-х годов XX в. и хорошо просматриваются на аэрофотопланах. Сохранился лишь небольшой отрезок пахсовой стены, верхняя часть которой построена из кирпича, размером 38—40×12 см. Видимо, эту стену С. П. Толстов относил к античному времени [5, с. 169]. Кирпич такого же стандарта положен поверх пахсовых блоков для ремонта северной стены. Исследователи Древнего Хорезма не раз отмечали вторичное использование античного кирпича в средние века. Так, на городище Дэв-Кескен (Вазир) античный кирпич применяли в XV—XVI вв. [10, с. 66; 11, с. 25].